

© 2021 г.

М.Ф. ЧЕРНЫШ

И СНОВА МОДЕРНИЗАЦИЯ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СХЕМЫ

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, исполняющий обязанности директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (mfche@yandex.ru).

Аннотация. Автор излагает аналитические размышления, связанные с только что изданной за рубежом коллективной монографией финских и российских социологов о проблемах модернизации в постсоветской России. Книга «Российская модернизация. Новая парадигма» действительно предлагает новую парадигму анализа социальных изменений в российском обществе, основу которой составляет теория структуризации Э. Гидденса, развитая финским социологом М. Кивиненом. Данный подход дает возможность исследователям расширить представления о круге акторов, способных влиять на ситуацию в стране. Перспективы российского общества представлены при таком подходе как неизбежность выбора между несколькими вариантами дальнейшего развития. Представленный подход имеет как преимущества, так и явные ограничения. Он оставляет за рамками вопрос о наличии акторов социальных изменений, понимаемых как модернизация. В текущей ситуации в российском обществе существует консенсус между элитами и значительной частью населения, гарантирующий относительную устойчивость существующего социального порядка и социальной системы. Поэтому модернизация, не имеющая явных сторонников во властвующей элите, примет, вероятнее всего, форму постепенной «культурной» эволюции, включающей постепенную трансформацию основополагающих ценностей и норм поведения.

Ключевые слова: модернизация • реформы • социальная структура • правящая элита • социальные институты

DOI: 10.31857/S013216250014946-3

В российских дискурсах по теме социальных изменений обращение к понятию «модернизация» провоцирует закономерную настороженность. В XX в. Россия неоднократно приступала к модернизации, и каждый раз курс на осовременивание общественной жизни приводил к противоречивым результатам. В России модернизация, ее цели и средства во все времена определялись властвующей элитой, исходившей из того, что народная масса архаична, инертна и может быть приведена в движение только жесткими (иногда и жестокими) мерами. Каждый раз модернизация «сверху» вводила общество в состояние несвободы: в одних случаях – комплексом репрессивных воздействий, в других – экономическими мерами, ставившими население на грань выживания. Именно этот опыт породил в современном общественном сознании стойкое отвращение к самому понятию «реформа» (не говоря уже о «революции»). Ведь в российской истории реформы и революции, поначалу вызывавшие прилив энергии и энтузиазма, неизбежно приводили к масштабному насилию, «темным временам», в которые наибольшие потери несла лучшая часть общества. И каждый раз выгоды, обретаемые в результате реформирования,

впоследствии подвергались сомнению, а дореформенное состояние общества характеризовалось как «благое время», как «истинная Россия, которую мы потеряли».

Сказанное может быть в полной мере отнесено и к неолиберальным реформам последних двадцати лет. Монетизация льгот, реформа образования, оптимизация и коммерциализация медицины, повышение пенсионного возраста имели следствием масштабные потери – понижение стандартов жизни, углубляющееся неравенство, рост неблагополучных слоев, замкнутых в социальном пространстве. Каждый раз, чтобы сохранить социальную и политическую стабильность, властям приходилось делать один или несколько шагов назад: ни монетизация, ни реформа образования не были осуществлены в том варианте, в котором они изначально задумывались. Одной из причин этого было, к сожалению, то, что реформаторы имели отдаленное представление об обществе, в котором живут, а идеи реформ заимствовали из зарубежного, далеко не однозначного, опыта. Однако главной причиной их половинчатости и неуспеха стало, по-видимому, то, что затеваемые изменения не имели в основании теоретической конструкции, которая могла бы соотнести между собой общие и частные цели реформирования, создать приемлемый репертуар средств их достижения. Если китайские коммунисты планируют жизнь страны на несколько десятилетий вперед и хладнокровно проводят реформы сегодняшнего дня, примерно зная, какие плоды они принесут завтра, то российские реформаторы ориентируются главным образом на неолиберальные образцы, очень часто отвергнутые другими странами, поскольку показали в других обществах свою полную несостоятельность.

Для понимания проблем российской модернизации большой интерес представляет новая книга «Российская модернизация. Новая парадигма», только что изданная за рубежом международным коллективом авторов (включая и российских социологов – М.В. Масловского (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) и др.) под редакцией М. Кивинена и Б. Хамфриза [Russia Modernization..., 2021]. В ней на основе осмысления российского опыта реформ выдвинута социологическая концепция, согласно которой цель реформирования должна быть сдвинута в сторону общего блага, а средства достижения поставленных целей предполагали бы не сужение, а расширение прав и свобод граждан. Рассмотрим эту смелую попытку концептуально осмыслить российский опыт, чтобы лучше понять, как «со стороны» видятся проблемы нашего национального развития. Цель настоящей статьи – не только познакомить читателя с новой научной публикацией, посвященной российскому обществу, но и представить альтернативное видение тому пониманию модернизации, которое в ней изложено.

Надо отдать должное авторам: они активно используют теоретическое «наследие», которым располагает современная социология. В основании концепции модернизации в понимании ее создателей – М. Кивинена и М. Масловского – лежит теория структуризации Э. Гидденса [Giddens, 1984: 1–34]. Гидденс впервые представил теорию структуризации в 1976 г. в «Новых правилах социологического метода» [Giddens, 1976] как проект преодоления ограничений, которые накладывали на понимание общества предшествующие теоретические схемы.

Марксизм и структурный функционализм, считал он, задали общественным наукам «имперский» подход, в рамках которого общество преобладает над индивидуальной волей. Альтернативой обеим парадигмам стала к тому времени «герменевтическая» школа, исходившая из того, что именно индивид является конечным субъектом социального действия, а общество существует лишь как совокупность индивидуальных волей и полностью зависит от их конфигурации. Сторонники «тотальных» теоретических конструкций не видели смысла углубляться в детали индивидуальной жизни, а адепты феноменологической социологии не усматривали необходимости в обществе, которое в этой парадигме выглядело как простая сумма стандартных действий, совершаемых акторами на индивидуальном уровне.

Гидденс считал, что не только возможно, но и необходимо совместить эти два подхода, связав воедино микро- и макроуровни социального анализа. С его точки зрения,

было бы непозволительной расточительностью отказываться от того теоретического наследства, которое создано марксизмом и функционализмом. Эти направления, при всех присущих им различиях, позволяют наблюдать в общественной жизни то, что не сводимо к индивидуальной воле, выявлять эмерджентные характеристики общественной жизни, которые находятся за пределами того, что делает отдельный человек. Но было бы не меньшим расточительством терять в этих схемах индивидуальную волю, способность любого человека совершать выбор. Одно дело – предмет исследования в естественных науках, где природные силы неподконтрольны людям; другое дело – общество, где реальность создается и изменяется действующими и взаимодействующими людьми: «Разница между обществом и природой в том, что природа не произведена человеком. Общество же, хотя не создается каждым человеком в отдельности, производится и воспроизводится заново в текущих обстоятельствах участниками социальных взаимодействий. Производство общества – это квалифицированный процесс, поддерживаемый и обеспечиваемый людьми» [Giddens, 1976: 15]. Возникает закономерный вопрос: что может заполнить пространство между структурой и индивидуальной волей? Гидденс полагает, что это – социальные практики, подразумевающие, с одной стороны, устойчивые рутинные взаимодействия, а с другой – модификацию этих взаимодействий, привнесение в них новых элементов, которые, в свою очередь, трансформируют структуры.

Теоретический замысел Гидденса дает ряд важных преимуществ в тех случаях, когда предметом анализа становится меняющееся общество. Во-первых, концепция Гидденса помогает исследователю избавиться от априорных «метафизических» посылов, располагающих к выводам до того, как сделано исследование. Единственная пресуппозиция данной схемы – она, как и многие другие научные концепции, допускает саму возможность существования социального порядка. Во-вторых, в схеме Гидденса общество рассматривается как реальность, претерпевающая непрерывные изменения разного масштаба и темпа. «Неуступчивость» социального порядка, его притязание на самопродление – это лишь дань близорукости, свойственной современникам, не имеющим возможности за Хроносом (временем) увидеть Кайрос (момент), текущую ситуацию во всей ее уникальности и изменчивости. В-третьих, концепция Гидденса имеет то преимущество, что не исключает из социальных процессов индивидуальную волю и, следовательно, побуждает к тому, чтобы эту волю рассматривать не только как движущую силу, но и как совокупность условий и ограничений наблюдаемых изменений. Как подчеркивают в начале книги Кивинен и Масловский, «важный смысловой посыл теории Гидденса заключается в том, что структуры рождаются в ходе динамических процессов, развернутых во времени и пространстве. В этой реальности необходимо изучать не только преднамеренные, но и непреднамеренные последствия. Именно поэтому мы не можем объяснять институты или тенденции в российском (или любом другом) обществе иначе, чем исследуя действия различных акторов и результаты совершаемых ими действий» [Russian Modernization, 2021: 23].

Таким образом, предлагаемая «новая парадигма» подразумевает, что в рамках заданного подхода предметом анализа должны стать не только элиты, но и все акторы процесса структуризации, не только дискурсы (которые важны), но и реальные институты, а также рутинные и меняющиеся практики повседневной жизни. В этом смысле становится возможным отождествить процесс модернизации с процессами структуризации, а любые модернизационные дискурсы рассматривать через призму конкретных социальных интересов, вытекающих из той социальной ситуации, в которой находится порождающий их субъект. Чтобы связать в единую аналитическую схему действия акторов, с одной стороны, и целостность процесса модернизации – с другой, необходимо социологическое воображение. Только такой подход дает возможность понять истинную суть происходящего, избежать редукции не только политической и экономической, но и редукции, вытекающей из ограниченности используемой парадигмы – модернистской или антимодернистской.

Согласно Кивинену и Масловскому, применяемая в отношении конкретной российской ситуации гиденсовская теория структуризации предполагает три взаимосвязанных и взаимопереплетенных уровня анализа. Первый из них держит в поле зрения процессы, связанные со структурами, характерными для российского общества, и процессами, приведшими к их нынешнему состоянию. Общие положения теории структуризации невозможно подтвердить или опровергнуть, и в этом смысле они являются аксиоматическим базисом для двух других уровней. Выгода его использования в том, что в дальнейшем он создает своего рода «защитный покров», обеспечивающий единое понимание процессов, протекающих в разных областях общественной жизни. Этот уровень необходим, кроме прочего, чтобы придать исследованию мультидисциплинарный характер. На втором уровне анализ структуры должен быть дополнен активным теоретизированием применительно к конкретной сфере общественной жизни. В этом контексте необходимы теории среднего уровня, опирающиеся на фальсифицируемые гипотезы, объяснительные схемы, включающие в себя историко-культурное измерение. И, наконец, на третьем уровне становится возможным эмпирическое исследование, обращенное к теории, призванное охарактеризовать специфику производства и воспроизводства социальных структур, агентов, обеспечивающих воспроизводство и одновременно провоцирующих процесс социальных изменений, дискурсов, мобилизующих акторов к совершению определенных действий.

Закономерный вопрос, который возникает по мере того, как схема Гидденса прилагается к российскому опыту, может быть сформулирован следующим образом: как связаны между собой три упомянутых уровня? Как рутинные практики или их изменения в конкретных социальных обстоятельствах влияют на траекторию общественного развития? Авторы склоняются к тому, что практики, благодаря которым российское общество может изменяться, находятся, прежде всего, в политической сфере. Речь идет об участии акторов в политических партиях, организациях гражданского общества, общественных движениях, формирующих «рефлексивный стиль» общества и вызовы, с которыми оно сталкивается. Отчасти и поэтому вызовы, которые стоят перед российским обществом, рассматриваются авторами как следующая из текущих обстоятельств объективная основа социально-политического действия, как то, что может и должно быть принято в качестве программы преобразований разумными, желающими блага своему Отечеству политическими акторами.

В «Российской модернизации» таких вызовов представлено пять – диверсификация экономики, уровень влияния государства на экономику, социальное государство и социальная политика, внешнеполитический выбор, эволюция общественного сознания (соотношение в нем рациональных и иррациональных элементов). Рассмотрение всех пяти сфер, в которых авторы рассматривают выборы модернизации, не входит в нашу задачу. Остановимся на двух наиболее важных вызовах, которые выглядят как осевые – способные формировать климат общественной жизни, среду, в которой принимаются решения по ключевым вопросам российской жизни.

Первый вызов, как его сформулировали авторы этой монографии, – необходимость диверсификации экономики. Дилемма, которая стоит перед Россией, – или продолжать уповать на сырьевые богатства, или использовать имеющиеся возможности, чтобы строить диверсифицированную, многоукладную, многоотраслевую экономику, организующую в единое целое как большие государственные корпорации, так и малые структуры. «Перспективы российской модернизации в любом случае будут зависеть от состояния экономики. Исходя из этого, основным вызовом, с которым сталкивается Россия, является экономическая диверсификация... Она должна уменьшать свою чрезмерную зависимость от нефти и газа как во внешней торговле, так и в структуре внутреннего потребления. Наш подход к диверсификации состоит в том, чтобы рассматривать ее не только как диверсификацию производства, но и как развитие социальных и организационных форм функционирования государственных и частных предприятий, работающих в экономической сфере» [Russian Modernization, 2021: 25]. Если игнорировать объективную потребность

страны в диверсификации ее экономики, полагают Кивинен и Масловский, это приведет к недоиспользованию накопленного ею человеческого капитала. Сохранение сырьевой ориентации ведет к консервации запредельного неравенства, коррупции и преобладающего в сознании лиц, принимающих решения, равнодушия к проблемам сохранения окружающей среды.

Российские чиновники ожидаемо парируют такие рассуждения доводами практического плана: надо наполнять бюджет, обеспечивать население продовольствием, закупать оборудование, и на все это необходимы средства, которые можно получить, прежде всего, продажей сырья. Доводы, акцентирующие проблему выживания в текущей ситуации, настолько убедительны, что даже рядовой гражданин, принадлежащий, например, к многочисленной группе пенсионеров, не преминет согласиться: да, сегодняшний день важнее, чем отдаленные последствия; пенсии и так ничтожны, чтобы их размер и регулярность можно было приносить в жертву «светлому будущему»; заработные платы госслужащим надо платить, иначе всё здание российского государства обрушится. Таким образом, проблема диверсификации решается в пользу статус-кво, причем с аргументами, которые понятны не только чиновникам, но и широким слоям населения. Логика повседневности, воспроизводства общественной жизни в ее текущих параметрах, воплощена в существующих практиках и одинаково понятна не только тем, кто принимает управленческие решения, но и тем, кто, казалось бы, не имеет в текущем социальном порядке каких-либо заметных преимуществ. Именно рутинные практики, формирующие социальный порядок, способствуют воспроизведению статус-кво, ставя барьеры на пути модернизации в этом ее аспекте. Возникает вопрос: кто, какая социальная группа может стать агентом настолько влиятельным, чтобы разорвать общественный консенсус, ориентирующий исклчительно на нужды сегодняшнего дня?

Ситуация, в которой стабильное воспроизводство важнее, чем социальная или экономическая новация, в современном мире далеко не редкость. В большинстве развитых и развивающихся стран (за исключением разве что Китая и некоторых других стран Восточной Азии) текущие интересы имеют приоритет по отношению к любой светлой перспективе. И тому есть несколько вполне понятных причин.

Во-первых, развитые страны чаще всего руководствуются логикой электоральных циклов (иначе говоря, логикой сохранения определенными политическими или экономическими акторами власти и влияния на общество). К тому же в европейских странах логика развития навязывается национальным государствам из Брюсселя, решения которого часто воспринимаются с раздражением.

Во-вторых, в современных обществах, в которых постмодернистский стиль размышлений об обществе по-прежнему влиятелен, любая конструкция будущего, любое его целостное видение принципиально отвергается. Будущее конструируется апофатически (через отрицание) – путем воздействия на те области общественной жизни, которые нуждаются в улучшении, подчиняясь, таким образом, логике «малых дел» в текущей ситуации. В ней приоритетом могут, например, стать права меньшинств или мигрантов, но долгосрочные последствия поощрения миграции, как правило, непреднамеренные, крайне редко принимаются во внимание.

В-третьих, гомеостазис (состояние стабильности), в котором оказались многие современные общества (и, в частности, российское), часто видится национальным элитам как наилучшее из возможных состояний, выход из которого приведет скорее к ухудшению ситуации, чем ее улучшению. И, действительно, рассуждает, например, собирательный российский чиновник, что еще нужно населению? Ведь никогда страна не жила так благополучно, как сейчас! Магазины наполнены товарами, по количеству автомобилей на тысячу человек населения страна почти сравнялась со странами Восточной Европы, а некоторые из них и превзошла. Практически каждый россиянин, от ребенка до пенсионера, имеет возможность пользоваться мобильной связью, в каждом доме сотни каналов телевидения по вполне доступным ценам. Если приложить силы, можно улучшить жилищные

условия – купить в ипотеку квартиру или построить дом. Все претензии к власти с этой точки зрения безосновательны, потому что власть оставляет за человеком главное приобретение постсоветского времени – частную жизнь (если, конечно, он не пытается подвергать сомнению существующие социальный или экономический порядки). Любые попытки убедить собирательного высокопоставленного российского чиновника, что все не совсем так или совсем не так, потерпят крах. Вопиющее неравенство как аргумент против существующего порядка вызовет у него крайнее неудовольствие: как, опять предлагаете «всё отнять и поделить»? В других странах логика рассуждений акторов, принадлежащих к властвующей элите, может отличаться от российской, но и там текущее состояние чаще всего определяется как прогрессивное по отношению к любому предыдущему этапу развития. Не случайно Пикетти сравнивал состояние, в котором находятся современные общества, с belle époque – безмятежным временем конца XIX – начала XX в., в котором огромное неравенство несколько не мешало элитам, владельцам крупных состояний, пускаться в престижное потребление [Piketty, 2014: 127–132]. Belle époque могла бы длиться бесконечно долго, если бы не Первая мировая война, положившая конец спокойной жизни элит и выведшая в вершители судеб развитых государств людей в серых шинелях, бывших крестьян и рабочих.

Таким образом, говоря о диверсификации, мы подразумеваем не практики, а общую идею, идеологию всеобщего блага, обращенную в будущее. Идеологии имеют свойство репрезентировать мир в терминах добра и зла, спасения и смерти, но они – как это отлично показал в своей книге «Прогресс и хаос» сам Маркку Кивинен – редко (если вообще когда-либо) способны сохранить свой изначальный посыл в столкновении со структурными и культурными характеристиками изменяющегося общества [Кивинен, 2002].

Говоря о структуре и ее воспроизводстве, необходимо принимать во внимание интересы уже существующих социальных групп и то, как эти интересы преломляются в той политике, которую реализуют ее основные акторы. В современном российском обществе политические процессы определяются в поле, скроенном различными фракциями бюрократического класса (здесь мы на стороне Теды Скочпол, считавшей бюрократию в современных обществах именно классом [Скошпол, 1992]). Российская бюрократия структурирована по уровням и сегментам, каждый из которых имеет собственный взгляд на текущее состояние общества и его перспективы. Внутри бюрократии возникают напряжения и конфликты, в которых редко (если вообще когда-либо) участвуют на правах полноценных игроков субъекты, внешние по отношению к властвующей элите. Поэтому, говоря о возможной модернизации российской экономики, можно поставить первый вопрос следующим образом: каковы условия, при которых сторонники диверсификации внутри правящей элиты могут обрести решающее влияние на процессы принятия решений в сфере экономики?

Имеющий опыт говорит, что сдвиги внутри элиты в пользу той или иной позиции могут произойти, только если существующая модель обнаружит полную несостоятельность, а экономика по причинам эндогенного характера окажется на грани коллапса. В обозримом будущем подобный кризис вряд ли возможен по целому ряду причин – и, прежде всего, потому что экономические власти квалифицированно применяют тактику смягчения любых ударов по экономике за счет монетарной эквилибристики. Курс рубля за последние два десятилетия обрушился несколько раз, но каждый раз шок в полной мере компенсировался снижением стандартов жизни населения, после чего спрос и предложение восстанавливали равновесное состояние.

Второй вопрос, на который следует дать ответ: что будет, если российская власть, несмотря на все имеющиеся выгоды «лучшего из миров», в котором она живет, все же пойдет на то, чтобы принять программу диверсификации? Отчасти ответ на него можно найти в настоящем – в политике контрсанкций, создающей (пусть даже неубедительно, выборочно, с многими коррупционными лакунами) протекционистские барьеры. Диверсификация экономики означает, безусловно, развитие экономики, становление тех ее

отраслей, которые сейчас находятся в состоянии упадка из-за неконкурентоспособности по отношению к зарубежной продукции. Сошлемся на одного из создателей современной американской экономики Александра Гамильтона, первого министра финансов США, который считал более чем два века назад, что аграрная (и по большому счету отсталая) страна может осуществить диверсификацию и преодолеть сырьевую зависимость (в случае США – табачную и хлопковую специализацию), только прибегнув к мерам протекционистского характера [Johnson, 2018].

Об этом редко говорят экономисты, но бурное экономическое развитие и, соответственно, диверсификация экономик стран Восточной Азии произошла в значительной степени именно благодаря политике импортных барьеров, гласных или негласных. На улицах южнокорейских городов преобладают с огромным отрывом автомобили местного производства, которые, надо отдать им должное, с каждым годом становятся все лучше, конкурентоспособней. Аналогичным образом в Китае иностранные марки автомобилей – это, как правило, продукция местных предприятий полного производственного цикла. Китайские власти поощряют импорт технологий, но не готовой продукции; компании, явным образом нарушающие копирайт, почти никак не наказывают. Диверсификация не только во времена Александра Гамильтона, но и в настоящее время подразумевает, во-первых, ограничения на импорт иностранной продукции, а во-вторых, массовые инвестиции в отечественное производство, которые осуществляют местные предприниматели, а вслед за ними – иностранные компании. Население стран, вставших на путь развития собственного производства, должно быть убеждено, что неизбежное (хотя, возможно, и временное) сужение потребительского выбора, дороговизна импортных продуктов – жертва, которая окупится в будущем, когда местные производители наладят производство качественных товаров, не уступающих зарубежным аналогам. При этом отечественных предпринимателей необходимо отучить от порочной практики инвестировать только в те отрасли, которые дают максимальную выгоду в короткой перспективе (например, в производство необработанного сырья и в торговлю).

С политической точки зрения подобный разворот выглядит крайне рискованным: призывы к новым экономическим жертвам вряд будут поддержаны населением, а политика принуждения экономической элиты к инвестициям в отечественное производство в текущих обстоятельствах вызовет с ее стороны протест и ответную реакцию, направленную на подрыв провозглашенного курса. Политический субъект, объявляющий политику диверсификации, должен иметь безусловную политическую поддержку, причем не только в широких слоях населения, но и в классе чиновников, обладать моральным авторитетом, позволяющим заключать социальный контракт с обществом и экономическими элитами на новых условиях. Речь идет не просто о принуждении, а о существенном реформировании существующих социальных и экономических институтов, чтобы они защищали права граждан, охраняли права собственности и обеспечивали сохранность инвестиций, включая защиту от институциональных предпринимателей, имеющих поддержку силового блока. Политика диверсификация столкнется, кроме того, с противодействием международных игроков, которые будут рассматривать попытку российской власти преодолеть сырьевую зависимость, создавать в стране развитые производства как вызов существующему экономическому порядку, нарушение сложившегося в мировой экономике разделения труда, в котором России отводится роль производителя сырья и потребителя продукции высокого передела, производимой в Европе и Азии¹.

¹ М. Кивинен, вероятно, знает прецедент, когда в 2007 г. российское правительство приняло решение повысить экспортную пошлину на вывоз необработанной древесины в Финляндию, где многие фирмы специализируются на ее переработке. Между двумя странами, вполне дружественными, возник экономический конфликт, который разрешился компромиссом: Россия отказалась от ограничительных мер, а финские компании согласились инвестировать 1 млрд долл. в обработку древесины в РФ (Россию и Финляндию разделил лес // Коммерсантъ. 30.05.2007).

Несложно видеть, что в текущих обстоятельствах курс на диверсификацию сомнителен по причинам политико-экономического характера. Разворот к диверсификации потребовал бы серьезных институциональных реформ в интересах большинства населения, существенных изменений в сложившейся системе распределения, которые на сегодняшний день рассматриваются ключевыми инстанциями, принимающими решения, как неприемлемые.

Из этого вытекают и другие соображения, касающиеся вызовов, приводимых авторами книги «Российская модернизация». Рассмотрим, в частности, второй из приводимых в книге вызовов – выбор между консервативной политикой сохранения курса на демонтаж социального государства и конструктивной политикой его реформирования в интересах большинства населения.

После распада СССР социалистическая система государственной поддержки населения подверглась скорым изменениям, а социальная политика – постоянным пересмотрам. Модернизация в этой сфере и связанные с ней институциональные реформы привели к результатам, радикально отличающимся от ожидаемых. Постсоветские российские институты социальной поддержки оказались слабыми, способными предоставлять только услуги низкого качества. Между тем, полагают авторы «Модернизации», перед Россией стоит задача осовременить эту область социальной жизни, создать условия, при которых российское социальное государство сможет функционировать по принципам, считающимся общепринятыми в развитых странах Европы. Таким образом, дилемма, которая должна рассматриваться в России инстанциями, принимающими решения, сформирована контрастом между сегодняшним плачевным состоянием социальной сферы, с одной стороны, и стандартами, которые необходимо соблюдать, если государство и общество претендуют на вхождение в современность, – с другой.

Авторы монографии считают, что процесс модернизации социальной сферы возможен, если двигаться в двух направлениях. Первое состоит в том, чтобы привлекать по мере возможности к обсуждению социальной политики и принципов строительства социального государства агентов, действительно заинтересованных в улучшении положения дел. В этом ряду должны быть профсоюзы, защищающие права работников, общественные организации, вынужденно компенсирующие просчеты государственной политики, и политические партии, представляющие интересы значительной части населения. Второе направление заключается в повышении эффективности системы и, прежде всего, в обеспечении согласованности между разными ее уровнями, а также между постановкой целей и средствами, которые выделяются на их достижение.

Авторы «Российской модернизации» исходят при этом из тех же допущений, что и при анализе первого вызова: в российском обществе есть субъект, заинтересованный в модернизации социальной политики по европейским образцам и понимающий, что без реформ в этой области, без реального учета интересов большинства населения вхождение страны в состояние модерна невозможно. Но именно этот пункт рассуждений вызывает серьезные сомнения.

Субъектом, осуществляющим реформы социальной сферы России (как и иные реформы), всегда было государство и его ведомства. Как правило, реформы в этой сфере – будь то многочисленные попытки осовременить пенсионную систему или реформа сферы медицинского обслуживания – не выносились на всеобщее обсуждение. Возможно, это связано с тем, что из всех возможных вариантов реформирования социальной сферы уже в 1990-е, на заре рыночной эпохи был выбран не «европейский», а «американский», ставящий коммерциализацию в центр реализуемого курса. Иными словами, модернизация, если ее рассматривать как отход от принципов социалистического распределения советской эпохи, рассматривалась не как создание ситуации, которая устраивала бы большинство населения, а как жесткое принуждение неолиберального типа, ставящее во главу угла монетарность, с одной стороны, и бюрократический Паноптикон, регулирующий поведение в социальной сфере, – с другой.

Одним из аспектов реформы была «оптимизация», вылившаяся в демонтаж существовавшей в России с 1920-х гг. системы Семашко в пользу создания здравоохранения, способного оказывать высокотехнологичные услуги. Реформы здравоохранения привели к сокращению числа лечебных учреждений, больничных коек, врачей-специалистов и, соответственно, увеличению нагрузки на тех, кто остался в системе. При этом, парадоксальным образом, вместо улучшения положения дел в медицине последовала ее серьезная деградация: услуги врачей-специалистов стали дефицитными, а во многих населенных пунктах в разряд фактически недостижимых попала в некоторых случаях и скорая медицинская помощь. В сумме реформа здравоохранения, начавшаяся в 2010 г., привела к росту смертности в большинстве наиболее населенных регионов РФ и заметно повысила риски для населения, связанные с эксклюзивией и доступностью медицины. «Российская система выгодна состоятельным слоям населения, но тех, кто в ней более всего нуждается, она обрекает на получение услуг низкого качества. В принципе государственное здравоохранение по-прежнему якобы бесплатное, при этом состоятельные слои населения или привилегированные чиновники получают самые современные услуги по ценам, которые ниже тех, что платит население за услуги низкого качества» [Russian Modernization, 2021: 117]. Иными словами, в здравоохранении доминируют нормы, формальные и неформальные, воспроизводящие крайние формы неравенства, ставшие последствием неолиберальных реформ.

Точно такие же неравенства обнаруживают себя и в других областях общественной жизни, например, в образовании или в доступе к социальным услугам, сфере досуга или на рынке труда. Речь идет не о временных отклонениях от нормы, а о системных качествах, сложившихся институтах, которые могут меняться только постепенно и только в длительной перспективе, вровень с изменениями в общественном сознании, связанными со сменой поколений.

Рассуждения авторов «Российской модернизации» невольно наводят на мысль, что значение понятия «модернизация» может иметь разное значение для разных программ реформирования. Авторы вкладывают в понятие модернизации политический смысл, подразумевая, что движение к модерну происходит в тех случаях, когда политические игроки принимают правильные решения, делают выбор в пользу диверсификации, демократии, сотрудничества с европейскими партнерами. Между тем в современной социологии модернизация может рассматриваться и в ином смысле – как постепенное движение общества в сторону цивилизации в том смысле, в котором понимал этот процесс Норберт Элиас [Элиас, 2001]. Этот социолог полагал, что модернизация – процесс, растянутый во времени, подразумевающий постепенное, шаг за шагом преобразование повседневных практик, определяемых культурными образцами. Трансформацию культуры, вследствие которой перенастраиваются так называемые фигурационные, структурирующие общество, связи между людьми, следует рассматривать, считал он, как истинный цивилизационный процесс, приводящий общество, не сразу, а в течение десятилетий, к новому состоянию.

Было бы неверно полагать, что «фигурационные» процессы, о которых идет речь, обходят российское общество стороной, ничего не меняя в российской повседневности. Российское общество находится в мобильном состоянии. В мелких повседневных практиках постоянно происходят изменения, никак не отмечаемые теми, кто в них участвует, но вызывающие изумление тех, кто приезжает сюда после длительного перерыва. Повсеместное использование цифровых технологий, технологий удаленной связи, бесконтактные платежи, которыми пользуются не только молодые люди, но и старшее поколение, водители, которые еще недавно не замечали пешеходов, а теперь останавливаются перед «зеброй», пропуская их, – все это кажется на первый взгляд чем-то малозначительным, но в дальнейшей, накапливаясь, приводит к тем самым долгосрочным цивилизационным сдвигам, которые и составляют истинную суть модернизационного процесса. Вымытый подъезд, отремонтированная изгородь, способность к самостоятельности и рациональное, а иногда и критическое, отношение к государству и его политике – это тоже

модернизация, но только постепенная, пошаговая, не ощущаемая в текущем моменте, однако оттого не менее реальная, чем то, что инспирируется политическими изменениями.

В российском контексте два фактора способны оказывать существенное влияние на цивилизационный процесс.

Первый фактор – рационализация и коммерциализация разных сторон жизни, побуждающая граждан к расчетливости и монетизации, затрагивающей большинство сфер жизни. Именно этим движением к более рациональному, осознаваемому миру можно объяснить то, что россияне, отвечая на вопрос, на кого они готовы положиться в трудной ситуации, указывают только на самих себя, на собственные «капиталы» – экономический, социальный, культурный. У рационализации и коммерциализации по-российски есть, разумеется, немалые издержки, связанные, к примеру, с широким распространением коррупционных практик. Краткосрочная личная выгода преобладает в этом случае над долговременными всеобщими интересами, но в дальней перспективе, в рациональной среде, которую формирует образованное, «читающее» население, осознающее на примере других развитых стран, как на самом деле должны строиться отношения между государством и обществом, коррупционные практики будут все чаще рассматриваться как вызов обществу и его будущему.

И это связано в том числе и со вторым важным фактором, обуславливающим процесс. История обществ, в том числе российского, свидетельствует, что цивилизационный процесс в значительной степени определяется характером ресурсной базы общества, развивается вровень с исчерпанием прежних ресурсов развития и обретением новых. В наследство современной России достались превосходящие пределы современного использования культурный, квалификационный и научный капиталы, избыточные по отношению к национальным нуждам природные ресурсы, прибыльно продаваемые за рубеж. Однако эти ресурсы, как показывает практика, исчерпаемы. И вот уже в стране, где совсем недавно наблюдалось перепроизводство квалифицированных кадров, инженеров и квалифицированных рабочих, их стало не хватать. Можно, разумеется, ввозить неквалифицированную дешевую рабочую силу из ближнего зарубежья, обучать этих работников на скорую руку, платить им минимальные заработные платы и таким способом смягчать напряжения, возникающие на рынках труда. Однако и этот ресурс, в конечном итоге, исчерпаем, а низкая производительность труда и низкий уровень заработных плат сделают, в конце концов, российский рынок труда малопривлекательным даже для этих категорий приезжих.

При сохранении текущей политики не менее острые проблемы будут возникать поочередно или одновременно и в тех областях общественной жизни, где заменить российских граждан на дешевых импортных рабочих будет практически невозможно. Нельзя, например, отсылать талантливых молодых ученых за рубеж, ссылаясь, не вполне искренно, на то, что современная наука глобальна. Подобное отношение к национальной науке приведет к тому, что она перестанет воспроизводиться, что следующее поколение ученых будет некому готовить. Рано или поздно речь пойдет о том, чтобы сделать выбор: либо «закрыть проект» российской науки, либо изменить отношение к ней в сторону более уважительного. Аналогичные кризисы «исчерпаемости» рано или поздно выведут в сферу политики и проблему наполнения реальным содержанием конституционной нормы «социальности» государства.

В большинстве случаев импульсы к изменениям будут исходить из самого общества, из его изменяющейся структуры и мотивационных приоритетов. Как правило, такие изменения имеют длительный, долговременный характер и связаны с трансформацией общественного сознания в поколенческом измерении. В этой перспективе процесс «расколдовывания» общественной жизни и ее рационализации (как процесса индивидуализации целей и средств их достижения) продолжится, сближая Россию с другими европейскими обществами. Политический выбор, о котором пишут авторы «Российской модернизации», безусловно важен, хотя и в значительной степени предсказуем. Но все же важнее то, что

происходит в сфере повседневности, в той области, которая конфигурируется рутинными практиками – не только политическими и не только относящимися к формированию политического курса нынешней элитой. Происходящие здесь изменения не сразу, но в перспективе снимут дилеммы модерна. Именно они сделают реформы функциональной необходимостью, меняя само качество общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб.: Академ. проект, 2002. [Kivinen M. (2002) Progress and chaos. Sociological analysis of the past and future of Russia. St. Petersburg: Academ. projekt. (In Russ.)]
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1. М.: Универ. библиотека, 2001. [Elias N. (2001) On the Process of Civilization. Vol. 1. Moscow: Univer. biblioteka. (In Russ.)]
- Giddens A. (1976) *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*. New York: Basic Books.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, Polity Press.
- Johnson D. (2018) *The Wealth of a Nation. A History of Trade Politics in America*. Oxford University Press.
- Piketty T. (2014) *Capital in the 21st Century*. Cambridge.
- Russian Modernization. A New Paradigm. (2021) Ed. by M. Kivinen, B. Humphreys. Routledge: London–New York.
- Skocpol T. (1992) *Protecting Soldiers and Mothers: The Political Origins of Social Policy in the United States*. Harvard: Harvard University Press.

Статья поступила: 23.04.21. Финальная версия: 25.05.21. Подписана к печати: 28.05.21.

MODERNIZATION RE-VISITED: SEARCHING FOR A NEW CONCEPTUAL SCHEME

CHERNYSH M.F.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Russia

Mikhail F. CHERNYSH, Dr. Sci. (Sociol.), Corresponding Member of the RAS, Acting Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia (mfche@yandex.ru).

Abstract. The article reviews a monograph devoted to modernization in Russia. The monograph consists of chapters prepared by an international collective of researchers. The monograph introduces a new paradigm of research targeting social change in the Russian society. The paradigm is based on Anthony Giddens' theory of structuration. The theory allows to expand the number of actors capable to affect the situation in the country. The theory incorporates three levels of analysis – the general one, reflecting on the basic structural characteristics of a society, a local one aiming at theorizing in the middle-range context and an empirical one, amassing and analyzing data, attempting thereby to confirm or reject the hypotheses related to reproduction and change. The prospects of the Russian society are presented as an inevitable choice between several scenarios of further evolution. The structuration theory approach has both advantages and obvious constraints. It leaves out a problem of real actors of social change understood as modernization. In the current situation the Russian society faces a consensus between the elites and a large part of the population that guarantees relative stability of the social order and social system. Devoid of obvious agents, modernization in Russia is likely to assume the form of a gradual, «cultural» evolution that includes a gradual transformation of the basic values and norms of behavior.

Keywords: modernization, reforms, social structure, the ruling elite, social institutions.

Received: 23.04.21. Final version: 25.05.21. Accepted: 28.05.21.